

используется буржуазной наукой. Как известно, суть концепции З. Фрейда сводится к тому, что Достоевский опитался, полагая, что страдал эпилепсией; болезнь его была в действительности нервным заболеванием, формой истерии, причиной возникновения которой была рано вспыхнувшая в душе писателя ненависть к отцу, породившая у него в детстве «эдипов комплекс», творчески «сублимированный» им в его творчестве. Опираясь на неопровержимые факты, Ж. Катто указывает, что эта версия, популярно изложенная во Франции в трудах Д. Арбага, представляет собой всего лишь умозрительную конструкцию. Как показывает письмо Фрейда С. Цвейгу, самая мысль объяснить творчество Достоевского «эдиповым комплексом» возникла у Фрейда под влиянием чтения «Братьев Карамазовых» и «Подростка» задолго до того, как он ознакомился с реальными фактами биографии писателя. И лишь позднее Фрейд, стремясь воспользоваться биографией Достоевского для подтверждения идеи «эдипова комплекса», задается целью обосновать ее с фактической стороны, сознательно закрыв при этом глаза на реальные обстоятельства и авторские свидетельства, противоречившие его концепции¹. На деле — и это видно из романов и записных книжек Достоевского, как и из воспоминаний современников, — Достоевский всю жизнь относился к памяти отца с большим уважением, а болезнь была для писателя не родом наркотического озарения, подобного тому, которое дает современному буржуазному обывателю прием опхума или гашиша (как полагают ученики Фрейда), но тяжелым физическим недугом, постоянно подтачивавшим его силы. И великим художником, как подчеркивает Катто, Достоевский смог стать не благодаря своей болезни, но лишь потому, что мужество, трудолюбие, горячая любовь к жизни и к людям помогли писателю преодолеть губительное влияние и опустошительные последствия болезни и в силу этого творить для блага людей.

С большим интересом читается последняя глава первой части труда Ж. Катто «Деньги» (с. 181—222). Французский ученый верно показывает здесь, что проблема денег для Достоевского, как и для Бальзака, была не личной, узко биографической, но в первую очередь социально-экономической, общественно-идеологической проблемой. Достоевский жил в мире, где сила денег постепенно становилась, как он ясно сознавал, одной из главных общественных сил, губительных для человека. Отсюда — постоянные размышления писателя над нею, та трагическая роль, которую деньги играют

в его романах при изображении человеческих судеб.

Во второй части монографии (с. 225—433) Ж. Катто на основе изучения рукописей романа «Подросток» стремится охарактеризовать основные этапы и в то же время выявить устойчивые, специфические черты творческого процесса Достоевского. При этом, подмечая с предостережением о мнимой «бессознательности» художественного творчества, французский ученый утверждает взгляд на творческий процесс Достоевского как на процесс зигзагообразного, сложного, подчас мучительного для самого художника, углубленного постижения реальной общественной жизни, поисков писателем наиболее совершенных форм художественной ее отображения. Особого внимания заслуживает вывод Катто о том, что первичную роль для создания образа героя у Достоевского играет не «идея» персонажа, но та жизненная обстановка и среда, которые порождают эту идею (с. 372—375). Заслуживают поддержки близкие советским исследователям мысли о несводимости героев Достоевского к одному — единичному — жизненному прототипу, ибо каждый из героев писателя объединяет в себе черты не одного, а множества жизненных и литературных прообразов (с. 428), анализ французским исследователем взаимоотношения «голоса» автора и «голосов» героев в произведениях романиста (с. 385—408, 431—432). Анализ этот побуждает Ж. Катто при общей высокой оценке книги М. Бахтина о Достоевском согласиться с автором настоящей рецензии и теми другими советскими исследователями, которые полагают, в отличие от Бахтина, что авторский голос в романах Достоевского отнюдь не звучит «на равных правах» с голосами персонажей, но что он имеет чрезвычайно важное, определяющее значение для формирования общей идейно-эстетической концепции романа, для выражения социально-критической, гуманистической мысли романиста.

В итоге Ж. Катто приходит к достаточно отчетливо звучащему в книге выводу: романы Достоевского и по содержанию, и по форме отнюдь не могут рассматриваться как выражение субъективных взглядов и настроений писателя. В них запечатлена социальная жизнь эпохи, осмысленная художником в широком контексте вопросов прошлого и будущего России и человечества. Процесс формирования у Достоевского — это процесс постепенных поисков писателем той системы образов и вообще той художественной структуры, которая в наибольшей степени соответствует изображенной им социально-исторической жизни, рассматриваемой во всем многообразии ее жизненных красок, ее сложных, подчас парадоксальных психологических и философско-идеологических противоречий.

По сравнению с другими частями книги Ж. Катто более спорный характер имеет ряд выводов, к которым автор приходит

¹ Аналогичным, весьма скептическим отношением к фрейдизму проникнута содержательная книга американского исследователя Дж. Франка — первая часть его монографии о Достоевском [см. 2].